

ховный мир» (с. 40), на самом деле являются фактами номинации по свойствам географического объекта, в частности по прозрачности воды в водоеме.

Неясно, на каком основании топонимы, представляющие мотивационную модель *казенный* (*Казенный Мыс*), отнесены к группе «Свой — чужой»; никак не мотивировано понимание *дикого* и *глубокого* как чужого (с. 43). Скорее всего, с последними двумя типами номинаций связана пространственная идея удаленности, а вот фактов, указывающих на восприятие этих объектов как чужих, в словаре не приводится.

Непонятны критерии разделения отантропонимических топонимов на две группы: «Мужчина» (с. 9 и след.) и «Память» (с. 53–54) — фактически все они (кроме топонимов-посвящений) указывают на первопоселенца, человека, впервые осваивающего территорию. Что позволяет отнести д. *Михайловка* в первую группу, а д. *Михайлова* — во вторую?

Хотя список таких несогласий с авторской интерпретацией можно было бы и продолжить, указанные недочеты не представляются существенными для оценки этой во многом новаторской лексикографической работы.

К. А. Гейн

Рукопись поступила в редакцию 14.02.2011 г.

Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2009. — 344 с.

«Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» — плод многолетней кропотливой работы его составителей — В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой, результат сотрудничества ученых Воронежского государственного и Московского государственного педагогического университетов. Внушительный объем словаря (344 с.) свидетельствует как о богатстве лексики воронежских говоров, так и о серьезных усилиях, затраченных на сбор полевых материалов и обработку современных и древних письменных источников. Материал собирался авторами с 1958 г. и постоянно пополнялся в ходе ежегодных диалектологических экспедиций.

Представленная лексикографическая работа — это словарь полного типа: составители включили в корпус лексем всю зафиксированную географическую терминологию, употребляемую жителями Воронежской области. У словаря четыре источника: данные, являющиеся результатами полевых сборов Воронежской диалектологической экспедиции; лексемы, извлеченные из современных печатных источников (13 работ: описания Воронежского края и словари); факты, отраженные в рукописных (15) и печатных (38) памятниках письменности; топонимические материалы. Современные и исторические данные (кроме топонимов) поданы по возможности в сопровождении текстовых иллюстраций с обязательной атрибуцией. Сама идея объединения в одной лексикографической работе разнообразных типов данных (апеллятивных и топонимических, древних и современных) представляется очень продуктивной.

Современная лексика (зафиксированная диалектологической экспедицией либо извлеченная из современных источников) подается в словаре на историческом фоне: в качестве комментария приводятся данные, извлеченные из воронежских памятников письменности XVII–XIX вв. В том случае, если лексемы, отраженные в памятниках, не подтверждаются данными сбора диалектологических экспедиций, на устаревшие, вышедшие из употребления слова составляется отдельная словарная статья. В конце словарной статьи приводятся топонимы Воронежской области (если таковые имеются), в состав которых входят исследуемые термины. Структура словарной статьи последовательна и в целом не вызывает возражений; читатель имеет возможность получить весь комплекс имеющейся информации о слове, например:

- ГАЙ**, я, м. 1. Лиственный лес, роща. *Рибятишки ходют' в гай зь аряхами*. В.-ХАВ. 2-я Вас. *В гай мы з дефкьми на ягьды хадили*. ХОХЛ. Кст. + БОБР. С. Б.; В.-МАМ. Ммн.; В.-ХАВ. В. Л.; КАЛАЧ. 1-е Нкл.; РЕП. Россш. 2. То же, что ГАЁК. *У нас кароф нь гаю стьягут!* РАМОН. Б. Врк. + ЛИСК. Бдв., Пчп.; ПОДГОРН. Андр. // Луг, сеной покос. *На гаю фсягда траву касили*. СЕМИЛУК. Змл. + ЭРТИЛ. Щуч. 3. Участок поля, луга. ЛИСК. Др.
2. *Идучи тое линеєю направє сеной покосъ дачи города Орлова ... а налеве сеной покос называемой Гай*. РГАДА, ф. 1305, оп. 2, № 132, л. 128 об. 1788 г. *Идучи тое лишею налеве сеной покосъ называемой Гай*. РГАДА, ф. 1305, оп. 2, № 132, 178. 1788 г.
- ◇ с. *Сухие Гаи* Верхнехавского р-на; пос. *Зеленый Гай* Бутурлиновского р-на (с. 67).

Несомненно, материалы словаря могут служить серьезной опорой для реализации задач сбора полевого материала, облегчат составление опросников и разного рода словников.

Исследовательские проблемы, которые могут быть решены на базе словаря многообразны: это выявление семантической и словообразовательной специфики географической лексики Воронежской области, вопросы варьирования, особенности функционирования в тексте, лингвогеографическое описание, рассмотрение соотношения с соответствующей лексикой других регионов и т. п. Богатейшие материалы для таких исследований представлены в словаре. Особенно ценным обсуждаемое лексикографическое издание может оказаться для решения историко-лингвистических вопросов. Некоторые наблюдения такого рода возникают уже при первом прочтении словаря. Так, обращает на себя внимание трансформация словообразовательных моделей. Например, модель на *-оватка* практически не обнаруживается в современной лексике (зафиксированы *бугроватка* (с. 40), *кочковатка* (с. 161), *логоватка* (с. 185), *ольховатка* (с. 218), *песковатка* (с. 236)), однако ранее была более активной, на что указывают данные топонимии: с. *Вязноватка* (статья ВЯЗЬ (с. 66)), с. *Верхняя Луговатка* (статья ЛУГОВИНА (с. 189)), с. *Меловатка* (статья МЕЛОГОРЬЕ (с. 197)), д. *Моховатка* (статья МОХОВОЙ (с. 201)), с. *Плесоватка* (статья ПЛЁС (с. 239)). В памятниках письменности оказываются активными составные наименования (прил. + сущ.: *дйкая земля* (с. 87), *запольная речка* (с. 113), *нагольная река* (с. 206), *проломный овраг* (с. 263) и др.), которые значительно более редки в речи современных жителей Воронежской области, что может быть обусловлено как спецификой письменной и устной коммуникации, так и различиями формирующейся и сложившейся системы географических терминов. Обнаруживается обширный пласт прилагательных, не фиксирующихся в современных составных наименованиях: *кулижочный* (статья КУЛИЖНЫЙ КУСТ (с. 173)), *немержий*

(с. 210), *сеножѣтнѣй* (с. 292), *угожѣй* (с. 320) и др. В письменных памятниках оказываются более частотными образные лексемы: *клешия* (с. 136), *локтина* (с. 187), *пузо* (с. 273), *хомутец* (с. 328), *шея* (с. 335). Более глубокое изучение материалов словаря, как представляется, поможет раскрыть еще целый ряд трансформаций.

При ценности самой идеи, положенной в основу словаря, и богатстве его материалов, рецензируемая работа может быть все же подвергнута критике, как с собственно лексикографических, так и с общелингвистических позиций.

Первое, что вызывает несогласие — это подача существительных, по происхождению являющихся и традиционно толкующихся как существительные среднего рода, с пометой «ж.» — женский род. Очевидно, причиной этого стало то, что в южнорусских говорах формы среднего рода с безударным окончанием в именительном падеже по фонетическим причинам совпали с формами женского рода 1-го склонения, что вызвало ответную синтаксическую реакцию: употребление согласованного определения либо предиката-глагола (в прошедшем времени или условном наклонении) в форме женского рода. Следствием этого стала также трансформация формы винительного падежа: образуется по 1-му склонению и с определением в форме женского рода. Однако парадигмы склонения слов среднего и женского родов не совпали полностью: сохранились отличия в родительном, дательном, творительном и предложном падежах. Эти факты позволяют авторам пособий по русской диалектологии утверждать, что средний род как грамматическая категория в русских говорах по-прежнему сохраняется [см.: РД, 1989, 82; 1990, 76–77]. О том, что полного совпадения парадигм не произошло и в воронежских говорах, свидетельствуют сами материалы словаря. Авторы последовательно в словарных статьях приводят в качестве окончания родительного падежа *-а/-я*: БЛЮДЦЕ, а, ж. (с. 32), ВЕРЕТЬЕ, я, ж. (с. 50), ВСПОЛЬЕ, я, ж. (с. 62) и т. д. Контексты иллюстрируют использование форм, образованных по 2-му склонению: ВЕРХОВЬЕ. *С вярхов'я прибулая вада идет'* (с. 52); ГАРЕВО. *Па гариву апенки събирайѣм* (с. 67); ЗАЙМИЩЕ. *В займищю къчкаватѣя местѣ...* (с. 106); КОЛЕНО. *Дон наш батюшкѣ каленѣм выгибатицѣ* (с. 145). Составители употребляют и помету «с.» или «ср.» — средний род, причем те условия, при которых она появляется, непонятны: почему, например, приведенные выше лексемы — женского рода, а лексемы *гатище* (с. 68), *головище* (с. 75), *колесо* (с. 145), *колодые* (с. 149), *крутобережье* (с. 168) и др. — среднего? Непоследовательность проявляется даже в том, что слово *багно* во вступительном очерке подано как лексема среднего рода (с. 7), а в основном тексте — женского (с. 26). Слова *завѣтерье* (с. 103), *топѣло* (с. 313), *шатрѣище* (с. 334) по неясным причинам отнесены к мужскому роду. Наиболее приемлемым было бы следование традиционной родовой классификации с иллюстрацией межродовых взаимодействий в контекстах и описанием диалектной морфологической ситуации во вступительной статье.

Немалое количество замечаний возникает по отношению к составу словника и толкованиям лексем.

Во вступительной части составители пишут о том, что в словарь включаются «наименования, связанные с особенностями рельефа» (с. 3), в то время как в текст включены и метеорологическая лексика (БЕССНѢЖИЦА. Отсутствие или малое количество выпавшего снега (с. 31); ЕДКИЙ ВЕТЕР. Холодный, резкий ветер (с. 95); ИГОЛКИ. Первый некрепкий осенний лед (с. 122) и др.), и ботаническая (БАРАШКИ. Сережки у ольхи, березы (с. 28); ЙВОВКА. Ветка ивы (с. 122); КЪЛИЧКА. Хвойная

иголка, хвоинка (с. 178) и др.), и прочая, не связанная с особенностями рельефа (КАТÓК. Небольшая ямка. *На паску катают 'яйцы, кладут 'ф каток* (с. 135)). Появление подобных лексем никак не оговаривается составителями, и они выглядят в словаре случайными и даже неуместными при включении в словарь топонимии, поскольку этот лексический спектр не является топонимообразующим. Поэтому подача топонима, например, в статье на метеорологический термин приводит к курьезным решениям, ср.: р. *Гольшевка*, название которой нужно связывать с *голыш* 'камень твердой породы, скатанный и оглаженный водой' (с. 76), приводится в статье *голышек* 'небольшой кусочек льда' (с. 77).

С другой стороны, при прочтении иллюстрирующих контекстов обнаруживаются географические лексем (далее разрядка наша. — *О. Т.*), на которые не составлены соответствующие словарные статьи: *Лес там никчамушной, набольшы там палянки, луга винки, вот яво так пахош и назвали дурничка* (статья ДУРНИЧКА (с. 93)); *Лух пускай адгърадилси каким-нибут' вьдатокъм и нъзвайтцъ палянкъй или луга винкъй* (статья ВОДОТОК (с. 59)); *Амша 'рнъя дарогъ у нас иде' п ъ т я к л и 'н к ъ* (статья ОМШАРНЫЙ (с. 220)); *Плѣс — этъ чистъя вада биз заръсли, бъяга 'твѣрдъи, палогши, нь а т р у 'б и с т ы и...* (статья ПЛѢС (с. 238)); *а теперь даже облоги поразмыло и прежнее мелкие яры стали глубже* (статья ЯР (с. 341)); *на ногайской сторанѣ порозжея земля дикоя поля есть* (статья ПÓЙМИЩЕ (с. 247)) и т. п.

Составители включают в словарь прилагательные, производные от географического термина либо употребляющиеся в составных наименованиях. Такой подход вполне оправдан задачами словаря, однако, к сожалению, по отношению к прилагательным не разработаны ни способы отбора, ни принципы лексикографической подачи. Так, в словаре присутствуют статьи, где толкование не дается вообще (КОЛЧЕВАТАЯ ДОРОГА (с. 150)); прилагательное толкуется существительным или словосочетанием «сущ. + прил.» (АСВАЛЪТНЫЙ, прил. То же, что АСВАЛЪТ (с. 25)); ДИКОПОРОЗЖИЙ, прил. Непаханая земля (с. 88); словосочетание толкуется как прилагательное (ОСТАРКОВЫЙ ЛЕС. Старый, с большим количеством засохших деревьев (с. 222)). Возможны также статьи, в которых при прилагательном (через запятую) приводится словосочетание, его включающее: ИЗВИЛИСТЫЙ, ИЗВИЛИСТАЯ ДОРОГА. Дорога, образующая извилины, с извилинами (с. 123); ВИЛЮЧИЙ, прил. ВИЛЮЧАЯ ДОРОГА. Извилистая дорога (с. 55).

Неточность и некорректность толкований отмечается и по отношению к именам существительным. В ряде случаев формулировки различных значений слова отсылают к одному и тому же классу денотатов, в результате чего создается искусственная многозначность, см., например: МОЧЕВИЩЕ, а, ж. 1. Впадина, наполненная водой. *Мъчави'шишь — этъ запа'дины таки'йь, фсю ле'ту нъпирсыха'имъи, бало'тистъи, ме'лкии, и вада как заржа'вльнъя в них.* 2. Низкое сырое место. *Мъчави'шишь — ни'скъя ме'сть, хде вада'стай'т'* (с. 202).

Ряд замечаний вызывает подача в словаре ономастического материала — топонимии Воронежской области. Сами топонимы в тексте редки и немногочисленны, при этом их место в корпусе словаря не определено. Часть топонимов — преимущественно те, которые извлечены из трудов Ф. Н. Милькова [Мильков, 1970; 1976], — приводятся в самостоятельных статьях в ряду апеллятивов. Отсутствие пометы («топоним») и характер толкований не всегда позволяют отличать их от нарицательных слов: ЛЫСАЯ ГОРА.

Высокий крутой склон реки с обнажением подпочвы (с. 192); КАЛАЧ. Кольцеобразная старица в пойме реки. В Хоперском заповеднике на пойме Хопра есть Калач Краснинский и Калач Откопский (с. 129); МОГИЛА. Название курганов и холмов на юге Воронежской области (с. 199); ДИВНОГОРЬЕ. Крутое лесное правобережье Дона у устья Тихой Сосны, с хорошо сохранившимися дивами (с. 87). Среди включенных топонимов есть те, которые не имеют никакого отношения к географической лексике, например: ЗАДОН, ЗАДОНЬЕ (с. 106), СТАРЫЙ ДОН (с. 301) (отонамастические образования, производные от гидронима Дон), СТАРЫЙ ВОРОНЕЖ (с. 300) (от названия реки). В качестве апеллятивов поданы и ономастические данные письменных памятников (СТОРОЖЕВЬЕ. Болото, лес в топи (с. 302); КРАСНАЯ ДУБРОВА. Хвойный строевой лес (с. 162)), словарей (ОЗЕРЬЩЕ. Урочище в с. Роговатом Нижнедев. СРНГ, вып. XXIII, с. 91 (с. 215)), полевых сборов (ЗАЖОРИН. Бугор (с. 106); ЗОНТ. *Этът бугор ран'шы набол'шы вярет'я звали, а щас зовут зонт и дилили яво късиками, он у ваде ни бувая* (с. 120); ЛОБ. Оголенный холм. *В Дивнагор'и адну гору завут' лоб* (с. 184)).

Остальные топонимы (из источников, указания на которые не приводятся) подаются внутри словарных статей в последней части после знака ◊. Во вводной части словаря принципы отбора топонимов, включаемых в словарь, вопросы соотношения и связи топонима и заголовочного слова статьи не обсуждаются, и, очевидно, эти вопросы и не решались при подготовке словаря. В результате, как показывает анализ текста, в большинстве словарных статей топонимический материал представлен не как производный от географического термина, а как «однокоренной» к нему: пос. *Буравец* — в статье БУРАВЧИК (с. 42); с. *Вязовка*, хут. *Вязовый* — в статье ВЯЗИНА (с. 66); с. *Глушицы* — в статье ГЛУШНЯК (с. 73); хут. *Каменный*, хут. *Каменный Яр* — в статье КАМЕННАЯ ДОРОГА (с. 130); с. *Круглое* — в статье КРУГЛОВИНА (с. 166); прежнее название с. *Ржавский* — в статье РЖАВИЩЕ (с. 282); хут., с., пос. *Студёновка*, с. *Студёное*, пос. *Студёный* — в статье СТУДЁНЁЦ (с. 304); с. *Шишовка* в статье ШИШКОВАТЫЙ (с. 335) и т. д. Во многих случаях топоним при наличии зафиксированного производящего апеллятива приводится не в «своей» статье: пос. *Борки* — на БОР, а не на БОРОК (с. 36); пос. *Еланский* — на ЕЛАНКА, а не на ЕЛАНЬ (с. 95); с. *Криничное*, хут. *Криничный* — на КРИНИЧКА, а не на КРИНИЦА (с. 165); пос. *Белозерский*, пос. *Верхнеозёрский*, пос. *Озёрный* — на ОЗЕРКІ, а не на ОЗЕРО (с. 215) и т. д. Авторы не учитывают особенности ономастических моделей: топонимы хут. *Быстриков* (статья БЫСТРЯК (с. 47)), д. *Буравцовка* (статья БУРАВЧИК (с. 42)), с. *Гудовка* (статья ГУДОК (с. 83)) скорее всего являются отантропонимическими по происхождению. В некоторых случаях даже покорневое соотношение апеллятива и топонима ошибочно: с. *Коротяк* в статье КОРОТЬЕ (с. 154); с. *Коршево*, пос. *Коршевский* в статье КОРЧЕМАГА (с. 154); хут. *Силипяги* в статье ЛИПЯГ (с. 184). Есть случаи включения в словарь топонимов с негеографическими прилагательными: пос. и хут. *Круглый* в статье КРУГЛЫЙ ЛѢСЬ. Неотесанные бревна (с. 166); хут. *Долгий*, с. *Долгое* в статье ДОЛГИЙ, прил. ДОЛГАЯ ПОЛЯНА. Поляна больших размеров (с. 89) и т. д.

Неточная интерпретация топонимов в словаре делает затруднительным использование этого материала как в исследовании функционирования географической терминологии, ее реконструкции, так и в собственно ономастических трудах.

Лексикографическое представление материала в словаре также вызывает определенные нарекания.

Так, в разделе «Структура словаря» авторы указывают: «Для слов, неупотребительных в литературном языке, заголовок приводится в воронежской исходной форме, при этом используется или морфологический принцип орфографии, если морфемный состав слова не вызывает сомнений, или фонетический, когда морфологический состав слова установить невозможно» (с. 4). Однако эти принципы соблюдаются составителями непоследовательно: например, при наличии большой статьи ЕНДОВА (с. 95–96) присутствует и статья ИНДОВА с единственным контекстом (с. 127); статьи на ТÁЛЫ (с. 309) и ТОЛЫ (с. 312) поданы с одним и тем же контекстом (*И прибухавъ во Пчелникахъ(ъ) скрасть в толахъ остановилис(ь)...*); ср. также ПАЛЕСТИНКА (с. 229) — ПОЛЕСТИНКА (с. 248), ЧАЩА (с. 330) — ЧЕЩА (с. 333) и др. Неясна и подача в заголовочных словах безударных приставок *рас-/рос-* (с. 278–280, 284–285), *пра-/про-* (с. 256, 260–271). В ряде случаев форма заголовочного слова противоречит контексту, ср.: СОГРА. *А пачаму она сагра, я ня знаю, а только сыра там, у той сагре* (с. 296); ЛОМЬЕ. *Да речке Студенке в ломехъ(ъ) полянки ломавские* — ср. далее с тем же контекстом ЛОМЫ (с. 187); КУЛІШКА. *Дано ему лесу напрочить в кулижке меж тальника* (с. 173) и др.

Вредят словарю и постоянные повторы одного и того же толкования в последовательном ряду слов (даже в рамках одной-двух страниц, см. с. 87, 140–141, 198, 257 и др.), в то время как во вступительной статье указывается на то, что в этом случае используется помета «то же, что...» (с. 5). При подаче толкований многозначных слов регулярно наблюдаются нарушения нумерации: она присутствует там, где ее быть не должно (см. КРИНИЦА (с. 165), ЛУЧКА (с. 191) и др.), и отсутствует там, где необходима (см.: КОПАНКА (с. 152), ЛЯДИНА (с. 192–193) и др.). Имеются отсылки к словам, которых нет в корпусе словаря: АБАПОЛА. См. ОБАПОЛА (с. 25); ПОТЁКЛЬ. То же, что ПОТЕКЛ в 1 знач. (с. 255). Слово в иллюстративном контексте может отсутствовать вовсе (см.: ОБЛІВ во 2 знач. (с. 212)), либо быть употребленным в ином словообразовательном оформлении (см.: КУЛИЖНЫЙ КУСТ, в контексте КУЛИЖОЧНЫЙ (с. 173), ГНИЛОЕ МЕСТО, в контексте ГНИЛЕЦ (с. 74); ГОЛОЛОБОЕ МЕСТО, в контексте ГОЛОЛОВОВА (с. 76)).

В тексте достаточно часто смешиваются символы *ъ* и *ь*, важнейшие для передачи акающего говора, что наблюдается уже во вводной части: «Гласные в предударном положении после твердых согласных обозначаются буквами *а, ъ*, в заударном — буквой *ъ*, после мягких согласных в предударном положении — *и, я*, в заударном — буквой *ь* (здесь и далее выделено нами. — О. Т.)» (с. 8). Далее *ъ* вместо *ь* и наоборот частотны во всем корпусе словаря, что у читателя создает закономерные сомнения в правильности формы заголовочного слова, ср.: *Бучиль* — *кругварот в рике, иде в виде кътлавана* (в статье БУЧИЛО (с. 45)); *Завьт'* (в статье ЗАВОДЬ (с. 104)), *закбськ* (в статье ЗАКОСОК (с. 108)); *Жыдьнь стаит' нь дваре* (в статье ЖИДЕНЬ (с. 100)) и т. д. При отсутствии оригиналов письменных памятников трудно сказать, нет ли подобного рода ошибок и в исторических материалах, однако ср.: ПАЖЕТЬ при текстовом *на пажети* (с. 229). Факультативная постановка ударения при неточности транскрипции еще в большей мере затрудняет восприятие, как заголовочного слова, так и иллюстрации к нему.

Изложенные выше замечания, к сожалению, заставляют констатировать, что использование и цитирование материалов словаря в научных исследованиях должно производиться с некоторой осторожностью.

Тем не менее, нельзя еще раз не подчеркнуть важность и содержательность принятого лексикографического труда. Будем надеяться, что вскоре появится второе издание словаря, дополненное и лишенное указанных недочетов.

-
- Мильков Ф. Н.* Словарь местных географических терминов Черноземного центра. Воронеж, 1970.
Мильков Ф. Н. Природа Донского Белогорья в названиях населенных пунктов и урочищ // Донское Белогорье. Воронеж, 1976.
РД — Русская диалектология : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др. ; под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.
РД — Русская диалектология : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др. ; под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

О. А. Теуш

Рукопись поступила в редакцию 14.01.2011 г.

Рогалев А. Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей / А. Ф. Рогалев. — Гомель : Барк, 2009. — 152 с.

Книг и статей по исторической антропонимии выходит сейчас не так уж много. После классических трудов А. М. Селищева, В. К. Чичагова, обстоятельных работ А. Н. Мирославской, М. В. Бирылы, П. П. Чучки, В. Д. Бондалетова, И. М. Ганжиной, Е. Н. Поляковой и некоторых других ученых из восточнославянских стран мало кто берется за разработку истории имен и их парадигм у русских, белорусов, украинцев. Это и неудивительно: сколько нужно просидеть в архивах, библиотеках, разбирая манускрипты и старопечатные книги, по крупицам обнаруживая в них примеры, которые потом нужно описать, классифицировать, опираясь на знание исторической фонетики, лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, приводя примеры из других языков, учитывая прошлое народа и его культуры, взаимодействие между этносами. Но зато потом, когда материал собран и классифицирован, описание получается увлекательным и интересным не только для специалистов, но и для любителей истории культуры народа, древностей, краеведения, а порой оно приносит открывшему книгу радость знакомства с прошлым собственного рода, семьи. Такова в целом природа антропонимии, близкой и понятной всем любознательным и пытливым читателям.

Гомельский ученый Александр Федорович Рогалев известен своими трудами по этногенезу белорусов [Рогалев, 1994], топонимике [Рогалев, 1993; 2008], поэтической ономастике [Рогалев, 2007], краеведению [Рогалев, 2006]. Эти труды вызвали большой интерес не только у жителей Гомеля и Белоруссии, но и у читателей из России, Украины, Польши и других славянских стран. Новая книга открывает неизвестные страницы исторического прошлого белорусского народа сквозь призму имен его представителей.

Создание книг для белорусского ученого является трудом, приносящим удовлетворение, радость, счастье. Это ощущается на каждой странице рецензируемой работы. Даже